

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXIX ¹⁾.

Время лучшей нашъ другъ въ горѣ и разочарованіяхъ: оно исцѣляетъ раны сердца, даетъ забвеніе и смягчаетъ удары судьбы...

Когда я оправилась, наконецъ, отъ пережитаго ужаса трагедіи моей любви и стала наблюдать окружающее меня, то узнала, что на политической сценѣ Оттоманской имперіи произошла смѣна декорацій и что новая обстановка была создана Европой будто бы для мирнаго и окончательнаго рѣшенія славянскаго вопроса, подъ гнетомъ котораго находилась тогда вся Россія. Я не буду останавливаться надъ фактами, уже давно записанными въ исторію; но изъ вереницы моихъ воспоминаній о „Константинопольской Конференціи“ одна подробность заслуживаетъ вниманія общества, какъ иллюстрація политическаго фарса, устроеннаго западными державами, чтобы совершенно одурачить нашу слишкомъ довѣрчивую и наивную дипломатію, всегда ходившую съ легкой, или лучше сказать правду, съ тяжелой руки князя Горчакова подъ нѣмецкимъ ярмомъ до нашихъ дней. Что отсюда произошло, извѣстно теперь каждому, но я веду свою рѣчь къ той подробности, о которой говорила выше: она была интересна сама по себѣ, такъ какъ вѣрно отражала міровоззрѣніе турецкаго правительства на работу европейской дипломатіи въ дни международной конференціи.

Все это довольно рельефно выражено въ письмѣ Мидхатъ-паши къ моему дядѣ въ такомъ содержаніи:

„Дорогой и единственный другъ мой!

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1915 г.

Ни политическая буря на горизонтахъ Турціи и Россіи, ни превратности всегда капризной измѣнчивой судьбы не омрачатъ, надѣюсь и вѣрю этому, нашей святой дружбы, такъ какъ всякое доброе чувство исходитъ отъ Бога. Но сейчасъ въ моей душѣ поселился страшный демонъ, и я не знаю, какъ бороться съ нимъ?... Онъ обѣщаетъ мнѣ очень много хорошихъ вещей, и увѣряетъ, что всѣ блага міра имѣютъ своимъ источникомъ только парламентъ. До нѣкоторой степени онъ правъ, такъ какъ, дѣйствительно, наши соціальныя болѣзни требуютъ радикальной операціи, тѣмъ болѣе, что идея прогресса и либеральныхъ учрежденій не расходится нигдѣ съ духомъ Корана.

А теперь, мой вѣрный, старый другъ, нарисуйте себѣ картинку въ такомъ видѣ, но рассматривайте ее съ объективной точки зрѣнія: въ кіоскѣ Терсане вокругъ „операционнаго“ стола, на которомъ лежитъ моя бѣдная, истерзанная Турція, засѣдаетъ „Консиліумъ“¹⁾ великихъ державъ. Я также въ качествѣ ассистента нахожусь здѣсь—словомъ, мы рѣшаемъ вопросъ, который у васъ называется „восточнымъ“, а у насъ просто грабежомъ и разбоемъ!.. Но какъ иначе понимать западную дипломатію, а также и вашу русскую? Сейчасъ, на примѣръ, вы предлагаете намъ вручить управленіе государствомъ иностранцамъ и христіанамъ мѣстнымъ уроженцамъ—слѣдовательно, по рецепту нашихъ друзей и опекуновъ мы сами должны будемъ уничтожить себя?.. Помните, вы какъ-то спросили меня: для кого, собственно, я пишу Конституцію? На это могу смѣло отвѣтить вамъ, что пишу и для блага моего народа и для освобожденія его отъ гнета вмѣшательства Европы въ наши дѣла, такъ какъ съ момента открытія у насъ парламента дипломатія силою вещей будетъ лишена, такимъ образомъ, права распоряжаться судьбами Оттоманской имперіи и навязывать ей свои реформы, пригодныя лишь для чуждаго элемента страны. А вотъ еще картинка на фонѣ этихъ роковыхъ дней: вокругъ стола, о которомъ сказано у меня выше, идетъ въ данную минуту совѣщаніе нашихъ политическихъ хирурговъ о томъ, на какія географическія части разрѣзать живое еще тѣло „больного человѣка“²⁾, какъ подѣлить добычу между собой, но такъ, чтобы и волки были сыты и овцы также цѣлы..

Все это читаю я какъ будто въ открытой книгѣ на лицахъ моихъ сотрудниковъ, и тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ ста-

¹⁾ Такъ называлъ Мидхадъ-паша засѣданія Конференціи.

²⁾ На дипломатическомъ языкѣ „Турція“.

рается внушать мнѣ, что каковъ бы ни былъ исходъ грядущей войны Россіи съ Турціей, Европа, молъ, никогда не допуститъ измѣненія *status quo* на Балканахъ и никому не позволитъ сѣсть у нашихъ проливовъ. Таковы обѣ формулы, предложенныя намъ концертомъ великихъ державъ. Первая изъ нихъ, конечно, глупый фарсъ и ловушка, а что касается второй, то я охотно вѣрю ей: наши „добрые“ опекуны, взявшіе на себя благодарную роль защитниковъ имперіи Полумѣсяца, не только будутъ охранять Босфоръ и Дарданеллы отъ вашихъ свирѣпыхъ казаковъ, но и сами перерѣжутся между собой въ случаѣ, если кому-либо изъ нихъ придетъ фантазія сдѣлать шагъ впередъ къ этимъ заманчивымъ позиціямъ. Такимъ образомъ, мы вполне гарантированы отъ захватовъ нашихъ морей и проливовъ со стороны Московскаго царства...

Вы плохой сосѣдъ, а потому намъ ничего другого не остается, какъ броситься въ объятія нашихъ западныхъ друзей. Однако, не забѣгая слишкомъ далеко въ будущее, могу лишь дорисовать здѣсь только схему конференціи, вполне увѣренный, что васъ интересуеть малѣйшая подробность этого дѣла. Словомъ, мы засѣдаемъ и говоримъ, говоримъ до хрипоты о реформахъ, которыя, по увѣреніямъ лорда Салисбюри, графа Зичи, Шотторди и барона Каличе, должны вывести Оттоманскую имперію на прямой и широкой путь къ свѣтлымъ горизонтамъ, гдѣ все такъ же прекрасно, какъ въ раю Магомета, въ его обширныхъ владѣніяхъ на седьмомъ небѣ. Мы слушаемъ эти сказки и думаемъ лишь о томъ, сколько дадутъ намъ субсидіи, чтобы открыть парламентъ.

Вашъ генералъ, наоборотъ, не раздѣляя міровоззрѣнія своихъ коллегъ, горячится, стараясь убѣдить ихъ, что азіатъ никогда молъ не поднимется до уровня парламентаризма, такъ какъ идея раздѣленной власти не отвѣчаетъ якобы ни его душѣ, ни его взглядамъ на монарха: „Турки,—сказалъ онъ, возражая на мои аргументы,—должны оставаться турками, а иначе ваша раса исчезнетъ“...

Не знаю, кто изъ нихъ правъ, но мнѣ хочется вѣрить наперекоръ тезису генерала Игнатьева, что конституція избавитъ насъ отъ слишкомъ назойливаго вмѣшательства европейской дипломатіи въ наши дѣла и порядки, а затѣмъ мы уже сами, не оглядываясь назадъ, переложимъ ее въ другую болѣе совершенную для Востока форму жизни и, такимъ образомъ, и будемъ уничтожены... Таковъ мой девизъ, и онъ записанъ у меня въ сердцѣ.

На этомъ думалъ закончить мою политическую исповѣдь, но какой-то шаловливый бѣсъ толкнулъ меня опять къ воспомина- нію о той любопытной свиньѣ, у которой, судя по русской версіи, такая оригинальная привычка! ¹⁾ Я смѣюсь до коликъ въ бокахъ, размышляя о характерѣ этой почтенной особы, а въ параллель къ ней навязчивая, горькая мысль рисуется мнѣ уже заготов- ленный списокъ нашихъ будущихъ реформаторовъ и благодѣ- телей, въ числѣ которыхъ вы не найдете ни одного съ турец- кихъ именемъ за исключеніемъ вашего покорнѣйшаго слуги какъ бы въ награду за конституцію. Впрочемъ, я, кажется, повто- ряюсь: мы уже имѣли случай обмѣняться нашими взглядами на эту жгучую тему, но приходится возвращаться къ ней, такъ какъ она слишкомъ угнетаетъ меня, а положеніе вещей стано- вится прямо невозможнымъ и, вѣроятно, наши засѣданія бу- дутъ прерваны какимъ-нибудь грознымъ выступленіемъ гене- рала Игнатьева: онъ лѣзетъ, какъ говорится, на стѣну и не идетъ ни на какія соглашенія. А теперь прошу вашего спра- ведливаго сужденія: что отвѣтила бы Русская держава, если бы со стороны Турціи были бы заявлены претензіи на право распо- ряжаться судьбами Кавказа и другихъ ея областей, заселенныхъ магометанами?! А между тѣмъ, вашъ пылкій генералъ тре- буетъ не только реформъ, которыя мы сами признаемъ уже назрѣвшими для христіанскихъ вилайетовъ, но мечтаетъ якобы перефасонить любезную ему Болгарію въ „Новую Византію“, а Корону Палеолога возложить на себя?! Конечно, это леген- да, не буду спорить, хотя она уже проникла черезъ ограду султанскаго дворца и волнуетъ умы его населенія. А вотъ и другая версія, которую раздѣляютъ весь дипломатическій міръ и народныя массы: въ бытность мою губернаторомъ Дунайскаго округа я имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ авторитетнымъ мнѣніемъ Садыкъ-паши ²⁾ о славянахъ и о политикѣ Россіи на Балканахъ. Мнѣ онъ говорилъ, на примѣръ, что Болгарія ни- когда, молъ, не оправдаетъ иллюзіи Московской дипломатіи, такъ какъ она вообще по его убѣжденію не способна къ поли- тической жизни. Это было сказано въ 1869 году, а теперь я смѣло утверждаю, что генералъ Игнатьевъ для того лишь и за-

¹⁾ Здѣсь у Мидхатъ-паши игра словъ на прибаутку нашу: „по- сади свинью за столъ, она и ноги на столъ“.

²⁾ Польскій эмигрантъ Чайковскій на турецкой службѣ достигъ званія паши. Его записки чрезвычайно интересны и были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ за 1895 г.

варилъ болгарскую кашу, чтобы проложить себѣ, такимъ образомъ, дорогу къ Босфору и Дарданелламъ...

Однако, я уже давно собираюсь поставить здѣсь точку: цѣль этого безконечно длиннаго посланія облегчить свою душу отъ тяжелыхъ сомнѣній и колебаній, а затѣмъ, дорогой товарищъ и другъ, выразить въ немъ горячее желаніе сердца повидаться съ вами раньше, чѣмъ наши пренія въ кіоскѣ Терсане будутъ закончены: мнѣ хотѣлось бы лично передать вамъ одно чрезвычайно важное дѣло и просить вашего драгоценнаго совѣта, а потому еще разъ умоляю васъ пріѣхать сюда около 22 или 23 декабря. Шлю мои лучшія пожеланія и комплименты вашей милой семьѣ.

Навсегда преданный и т. д. Ахметъ-Мидхатъ-паша.

Таковъ политическій обликъ и міровоззрѣніе автора турецкой конституціи: Европа пѣла ему гимны, а онъ ненавидѣлъ ее, и тѣмъ не менѣе всегда ходилъ на ея помочахъ...

ГЛАВА XL.

Какъ и просилъ Мидхатъ-паша, дядя уѣхалъ къ назначенному времени въ Константинополь, а мы съ тетужкой Marie остались дома, не желая возвращаться въ хаосъ политики на берегахъ всегда фатальнаго Босфора, тѣмъ болѣе, что наступали уже праздники Р. X. въ католическомъ мірѣ, а затѣмъ и наши православные. Вотъ почему 23 декабря по новому стилю у насъ въ домѣ шла неизбежная въ такіе дни суматоха: мыли, скоблили, передвигали мебель, чистили ковры; поваръ то уходилъ на базаръ, то возвращался съ корзинами всякой провизіи, рассчитанной на большое число визитеровъ; бѣгали сверху внизъ и обратно, шумѣли, стучали, забивая гвозди, и пыль носилась по всѣмъ комнатамъ. Моя тетужка, вѣрная дочь римской церкви, въ порывѣ благочестія и набожности, даже среди этой несносной толчеи сохраняла пріятное расположеніе духа: на ея лицѣ играла улыбка торжествующей радости, значеніе которой я поняла, когда она объяснила мнѣ, что монсеньоръ Габріело Рацоло ди Монтеверди прелатъ Ватикана, управлявшій тогда католическими епархіями въ Хіосѣ, Родосѣ, Самосѣ и Чесмѣ на азіатскомъ берегу, обѣщалъ посѣтить нашъ домъ, чтобы передать ей лично благословеніе папы. Выше такого счастья она ничего другого и представить себѣ не могла, а потому всѣ фибры ея ума были направлены лишь къ тому, чтобы устроить царственный пріемъ вѣстнику благодати, исходившей какъ лучъ

солнца по ея глубокой вѣрѣ даже отъ туфли намѣстника Св. Петра на землѣ.

Тѣмъ временемъ, улучивъ моментъ, я ушла къ себѣ, распахнула жалюзи и принялась за уборку своихъ вещей; но работа не двигалась въ моихъ рукахъ: за окномъ шуршали волны, пѣнились у подножія дома, а убѣгая назадъ въ лоно холодной стихіи, рассказывали мнѣ что-то изъ давно пережитаго, о какихъ-то, страданіяхъ и будили вокругъ меня рой уснувшихъ призраковъ. Слезы бурнымъ потокомъ хлынули изъ глазъ: яркіе огоньки вдругъ затрепетали передо мной, то мелькая синими, красными, золотыми спиралями, то исчезая куда-то и возвращаясь опять, чтобы наполнить собою окружавшее меня пространство, границы котораго я уже не могла видѣть. Но вотъ, точно ароматъ весны, прямо съ берега ворвался въ мою комнату теплый, южный вѣтерокъ и шепнулъ мнѣ: „Не плачь, я согрѣю тебя! И послѣ бури солнце ярко свѣтитъ, разгоняя черныя тучи, навѣянный сердитымъ Борсемъ, моимъ влѣйшимъ врагомъ; но я все-таки прилетѣлъ сюда, чтобы унести твое горе далеко, далеко“...

Наконецъ, свѣтовые эффекты угасли и галлюцинація прекратилась, а сердце билось точно птица въ коварныхъ сѣтяхъ ловца; но мнѣ казалось, что рядомъ со мной кто-то невѣдомый пѣлъ страстный гимнъ жизни и ея радостямъ. Погода стояла, дѣйствительно, великолѣпная: пламенная Африка наперекоръ ледяному дыханію сѣвера отдавала намъ избытокъ жара своихъ необъятныхъ, горячихъ песковъ; дозрѣвали апельсины, лимоны, мандарины, гранаты: ихъ срывали почти зелеными, укладывали въ ящики и грузили на пароходы.

— Ну, что, развѣ это не благодать?!—запѣлъ душистый вѣтерокъ, лаская и обнимая меня:—у васъ тамъ въ Россіи морозы трескучіе, а здѣсь только начинается сборъ апельсиновъ—ой, ой, какъ холодно у васъ!..

— Какая благодать — не правда ли?!—прозвучало эхо въ стѣнахъ моей комнаты: я оглянулась и увидѣла тетушку, входившую ко мнѣ:—уже декабрь, а солнце грѣетъ такъ же, какъ въ іюнь мѣсяцъ на сѣверѣ—воображаю, что дѣлается сейчасъ, напримѣръ, хотя бы въ Орловской губерніи?!—Съ этими словами она протянула мнѣ какое-то письмо, видимо только-что доставленное съ рейда, гдѣ качался на якоряхъ нашъ русскій транспортъ, возившій грузы между Одессой и Александріей. Обрадованная вѣсточкой съ родины, я тотчасъ же принялась за чтеніе:

— Тетя!—сказала я громко, пробѣгая глазами строки,—вы угадали: сестра пишетъ о холодахъ, наступившихъ у нихъ въ Орловской губерніи, и очень завидуетъ мнѣ...

— Бр-р-ръ!!—поежилась моя собесѣдница, точно и ее кстатѣ захватилъ нашъ „дѣдушка-морозъ“, о которомъ она читала у Александра Дюма чудовищныя басни,—не даромъ вашу страну называютъ „царствомъ вѣчнаго льда и мрака“—я даже представить себѣ не могу, какъ живутъ гдѣ-то люди безъ солнца и земли?!..

— Но это неправда!—горячо перебила я,—у насъ и солнца и зелени сколько угодно, а вашъ Дюма просто шарлатанъ и больше ничего...

— Однако,—насмѣшливо улыбаясь, возразила она,—французская армія замерзла подь Москвой?..

— Что же тутъ удивительнаго—это было зимой,—говорила я, раздражаясь:—но когда пишутъ такую чепуху, такія идиотскія сказки, то приходится думать, что всѣ эти господа иностранные писаки не имѣютъ даже приблизительнаго понятія о географіи, а иначе они знали бы, какое громадное мѣсто занимаетъ Русская Имперія на земномъ шарѣ—слѣдовательно, и природа и климатъ у нея разные...

Такъ горячилась я, задѣтая именно тѣмъ, что она, жена русскаго, вѣрила безусловно легендамъ, которыми всегда пользовались невѣжественные, завистливые иностранцы, чтобы такимъ образомъ уронить престижъ нашей великой Россіи.

— Такъ или иначе, а у васъ не цвѣтутъ въ декабрѣ подь открытымъ небомъ, какъ здѣсь, алои, рододендроны, прелестныя азалии, фіалки,—говорила тетушка, видимо еще далеко не убѣжденная моими аргументами, любуясь изъ окна лучезарнымъ сіяніемъ дня и блескомъ голубой воды Эгейскаго моря, державшаго въ своихъ объятіяхъ синій небосклонъ и зеленые берега Хиоса.

По всему широкому пути къ рейду, точно стая какихъ-то перелетныхъ, гигантскихъ птицъ, неслись, распустивъ бѣлые паруса, лодки и баржи, наполненные черезъ край ящиками съ мандаринами, апельсинами и лимонами; гремѣла цѣпами паровая лебедка, и весь этотъ душистый, сладкій грузъ исчезалъ въ глубокихъ трюмахъ уходившей на сѣверъ торговой флотиліи.

Я такъ же, какъ будто разбуженная послѣ долгаго сна, не отрывала глазъ отъ роскошной картины зимняго, яркаго дня на фонѣ пламеннаго Юга: солнце еще стояло высоко надъ чертой горизонта; но въ дальнихъ перспективахъ Малой Азіи уже

колебались тѣни и бродили лиловыя дымки у подножія Тавра; Чесма съ ея миниатюрною цитаделью рисовалась въ этой панорамѣ точно дѣйствительно „городокъ въ таборкѣ“: я навела туда бинокль и долго любовалась ею, какъ игрушкой, заброшенной случайно въ другую часть свѣта—такой хорошенькой, элегантной казалась она мнѣ издали...

Но вотъ прямо оттуда грянуло протяжное эхо выстрѣла изъ пушки, раскатилось надъ моремъ, а затѣмъ ухнуло гдѣ-то за горами; за нимъ послѣдовалъ другой, третій...

— Что такое? Почему стрѣляютъ изъ Чесмы? Не сигналъ ли къ революціи, о чемъ ходили уже давно темныя слухи въ народныхъ массахъ дикаго побережья Анатолиі?—спрашивали мы другъ друга, такъ какъ не было ровно никакихъ основаній для салютовъ?

— Ужъ не воскресъ ли графъ Орловъ и снова явился, чтобы разстрѣлять турецкій флотъ, спавшій крѣпкимъ сномъ на днѣ Чесменской бухты?—пронеслась въ моей головѣ шаловливая мысль и захватила меня историческимъ воспоминаніемъ о славныхъ дняхъ побѣды Россіи надъ врагомъ...

Однако, не болѣе минутъ 10 спустя и Хіоская крѣпость также открыла канонаду изъ своихъ орудій:

— Ну, значитъ, опять новый султанъ!—воскликнула тетушка съ комичной досадою,—интересно, за кѣмъ теперь очередь и сколько ихъ еще перемѣнится? Заладили одно и то же: „Par la volonté de Dieu et de nation le sultan Abdul-Hamid est déposé et Rechad effendi...“

— Нѣтъ, Иззединъ-Эфенди,—возразила я,—такъ какъ его очень любитъ гвардія...

— О, нѣтъ!—увѣренно проговорила тетя,—Абдуль-Азиса и уничтожили за то, что онъ былъ сторонникомъ вліянія Россіи—никогда Европа не допуститъ его сына къ престолу...

Рѣзкій, отчетливый стукъ въ двери параднаго хода огласилъ домъ, затѣмъ послышались голоса на лѣстницѣ.

— Неджибъ-бей!—доложилъ кавасъ, и мы вышли въ пріемную.

Я думала, что у меня никогда не хватитъ мужества снова пережить моментъ воспоминаній о Тафти; но какое-то непреодолимое, мучительное любопытство толкнуло все мое существо въ ту комнату, гдѣ находился адъютантъ губернатора...

— Мадамъ,—раскланиваясь и звякая шпорами, говорилъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ вѣстникъ чего-то необыкновеннаго, передавая ей конвертъ съ красной печатью,—имѣю

честь вручить вамъ эту бумагу для свѣдѣнія господину консулу...

— А-а! вѣроятно... новый султанъ?.. Решадъ или Извединъ?—спрашивала тетька, какъ бы не рѣшаясь вскрыть конвертъ.

— Благодареніе Создателю міровъ ни тотъ, ни другой,—улыбнулся офицеръ,—но дѣло въ томъ, что нашъ премудрый падишахъ, его величество Абдуль-Гамидъ, да живетъ онъ тысячу лѣтъ, изволилъ объявить конституцію!..

— Конституцію!!—повторила я въ тонѣ какого-то непонятнаго разочарованія.

— Вы рады, конечно? не правда ли?—оправилась тетушка.

— А я пока еще не знаю, чему радоваться?—равнодушно отвѣтилъ турокъ и, пожелавъ намъ всѣхъ благъ жизни, удалился.

Опасенія мои не оправдались: невзрачный толстякъ армянскаго типа Неджибъ-бей менѣе всего могъ напомнить мнѣ красавца Тафти, и дѣло обошлось безъ всякихъ душевныхъ потрясеній.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

